

Глашатай революции в Казани

пешком
в историю

Владимир Маяковский, 1918

211

*Владимир
Янович*

БОЛЕЕ ста лет назад Владимир Маяковский (1893–1930), один из наиболее значимых русских поэтов XX века, классик советской литературы, впервые приехал в Казань. Затем он посещал наш город ещё дважды. Его визиты отразились в стихотворениях «Казань», «Три тысячи и три сестры», «По городам Союза». Каждый приезд Маяковского был ярким и неоднозначным. Его выступления вызвали одновременно протест и обожание со стороны казанской интеллигенции, и эти воспоминания сохранились в записях очевидцев.

Особняком стоит воспоминание, случайно записанное на магнитофонную плёнку 18 декабря 1972 года, в канун праздника Николы Зимнего, ко-

торый отмечала интеллигентная компания, состоящая из преподавателей казанских вузов. Говорили об искусстве, музыке, политике, литературе, о друзьях и знакомых. Среди прочих звучал голос московского гостя, в прошлом жителя Казани, Алексея Привалова: «Видал Владимира Маяковского в январе 1928 года. Я тогда “кормился” своей “Лейкой”, подаренной мне немецким инженером по случаю его отъезда в Германию в связи с окончанием контракта. Пришлось снимать поэта для газетёнки под названием то ли “За труд”, то ли “Трудовые резервы”. Выступал он в здании академического театра (теперь Театр драмы и комедии им. К. Тинчурина. – В. Я.). Сразу скажу, что фигура эта

Владимир Маяковский. Казань, 1914

была скандальная. Об этом я слышал и раньше. Ещё в 1914 году, когда заканчивал юрфак Казанского Императорского Университета. Тогда газеты писали о скандале в здании Дворянского собрания (теперь Казанская Ратуша. – В. Я.) Там с какими-то молодчиками выступал скандалист – Маяковский. Дебош был такой, что даже пригласили полицмейстера города разобраться с ними, и эту хулиганствующую компанию в 24 часа выставили из города...»

История, о которой упомянул Привалов, произошла в первый приезд Владимира Маяковского в Казань. В декабре 1913 года поэт вместе с футуристами Василием Каменским и Давидом Бурлюком отправился в творческое турне. За три месяца гастролей они выступили в 16 городах страны, где читали свои стихотворения и доклады. По предложению Маяковского турне назвали «Первой олимпиадой российского футуризма», в маршрут включили Казань. Кстати, Бурлюк неплохо знал город, так как учился здесь в местной

художественной школе, которая располагалась на Большой Лядской улице. Именно поэтому футуристы первым делом отправились в художественную школу. К тому времени школа находилась в новом здании, расположенном на Грузинской улице (сегодня это дом 70 по улице Карла Маркса). Стоит отметить, что упомянутое учебное заведение считалось либерально настроенным, а известный живописец Николай Фешин (1881–1955) вкпе с его учениками считались вольнодумцами.

По просьбе гостей староста архитектурно-строительного отделения Павел Хожателев показал лучший зал для выступления и лучшее фотоателье. Пока гости фотографировались, Хожателев расклеивал на центральных улицах яркие афиши: «Дворянское собрание. В четверг, 20 февраля, знаменитые московские футуристы устраивают лекцию о живописи и литературе. Владимир Маяковский прочтёт доклад “Достижения футуризма”».

Отличительной чертой их выхода на публику было то, что сопровождался он стуком, криками и свистом зрителей. Атмосфера для футуристов – что надо! Именно такую атмосферу просил создать Маяковский, находясь накануне своего выступления в гостях у Владимира Баранова, где в доме на Первой академической улице (ныне улица Вишневского) 19 февраля 1914 года состоялась его первая встреча со студентами Казанского университета. Организаторы встречи – члены студенческого литературного кружка Владимир Исаакович Баранов, впоследствии профессор ботаники и его брат предложили футуристам встретиться в их доме. До этого все члены кружка собирались на квартире профессора университета Александра Агабабова. Но об этой встрече были уведомлены только те студенты, которые проявляли особый интерес к новым литературным течениям.

Владимир Баранов вспоминал: «Узнав, что в Казань уже прибыл Маяковский вместе с Бурлюком и Каменским, мы с братом предложили им провести вечер в нашем доме, где должна была

собраться небольшая группа, интересующаяся новейшими исканиями в литературе и живописи. Футуристы охотно встретили наше предложение, и в 7 часов вечера того же дня Бурлюк первым явился в нашу квартиру, а за ним с небольшим опозданием пришёл Каменский. Увидев кучу книг у меня на столе, они занялись их просмотром. Разговор зашёл об использовании старого наследия для современного искусства. В это время раздался упрямый продолжительный звонок, и мы сразу почувствовали, что пришёл Маяковский. Моя матушка, которая быстро спустилась по лестнице, чтобы отпереть ему парадную дверь, была настолько смущена, увидев перед собой высокого, красивого юношу в бросающемся в глаза тёмно-коричневом жилете и тёмно-молочном сюртуке! Приход Маяковского, которого мы пожирали глазами и следили за каждым движением, сразу поднял тонус общей беседы, принимавшей иногда совершенно неожиданные обороты.

“Дело футуристов, – говорил Маяковский, – прежде всего, разбить спячку и благодущие; крепкую спячку приходится нарушать крепким воздействием, заснувшему пьяному трут уши. Нечто подобное проделываем мы в своих выступлениях. Ради всего на свете, не аплодируйте нам, а возмущайтесь, свистите, стремитесь заглушить наши слова звуком велосипедного рожка, который обязательно принесите с собой в кармане на завтрашний вечер”.

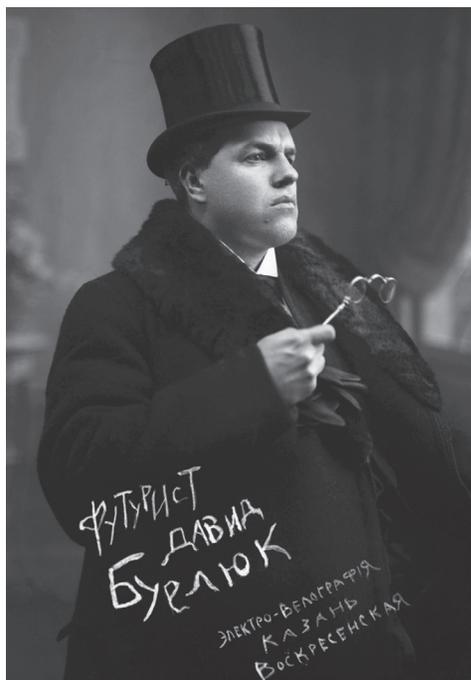
В это время матушка позвала нас в столовую, напоминая, что иначе чай простынет, и что свои разговоры мы можем продолжить за столом. Перед тем как пройти в столовую Маяковский вспомнил, что он целый день провёл в деловых хлопотах в связи с завтрашним выступлением и подошёл к умывальнику, чтобы вымыть руки. Садясь за стол, он придвинул к себе продолговатую тарелку с селёдкой и выпил рюмку водки под первый тост, провозглашённый за процветание новых исканий в русском искусстве. Владимир Маяковский молчаливо и деловито принялся за еду, чувствовалось, что он немного устал...»

О скандальном выступлении футуристов, состоявшемся на следующий день 20 февраля 1914 года, вспоминал известный художник и фотограф Александр Родченко, в то время проживавший в Казани:

«Однажды на витрине какого-то магазина появилась афиша, не помню текста, но что-то вроде: “Три футуриста”. Потрясающим зрелищем был вечер футуристов в этом важном Дворянском собрании... Владимир Маяковский в жёлтой кофте низким, приятным, но перекрывающим шум зала голосом читал:

Вошёл к парикмахеру,
сказал – спокойный:
“Будьте добры, причешите мне уши”.
Гладкий парикмахер сразу стал
хвойный,
Лицо вытянулось, как у груши...»

Участник выступления Василий Каменский упоминал о той встрече в своей книге «Юность Маяковского»: «В огромном зале “дворянского собрания” казанские студенты, запрудившие проходы и окна, так нас горячо приветствовали, что полицмейстер шесть раз прерывал наше выступление: “Пока не прекратится скандал – не позволю продолжать!” Маяковский заявил полицмейстеру: “Какой же это скандал, когда ребята радуются, что мы приехали.” Но жёлтая кофта Маяковского не внушала никакого доверия полиции, а его «развязность» и голос ломовика наводили панику на мирное население. На вопрос зрителей: “А почему вы одеты в жёлтую кофту?” Маяковский спокойно ответил: “Чтобы не походить на вас (аплодисменты). Всеми средствами мы, футуристы, боремся против вульгарности и мещанских шаблонов, как берём за глотку газетных критиков и прочих профессоров дрянной литературы. Что такое красота? По-нашему – это живая жизнь городской массы, это – улицы, по которым бегут трамваи, автомобили, грузовики, отражаясь в зеркальных окнах и вывесках громадных магазинов. Красота – это не воспоминания старушек и старичков, утирающих слёзы платочками, а это – современный

Давид Бурлюк. Казань, 1914

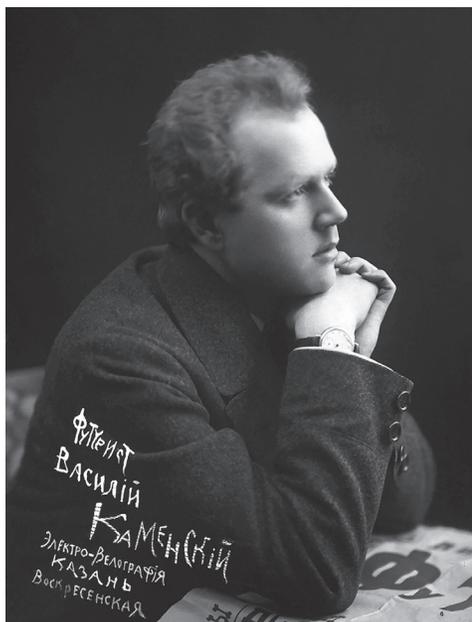
город-дирижёр, растущий в небоскребы, курящий фабричными трубами, лезущий по лифтам на восьмые этажи. Красота – это микроскоп в руках науки, где миллионные точки бактерий изображают мещан и кретингов.”»

Сшить для Владимира Маяковского жёлтую кофту придумали сами футуристы из таких соображений: во-первых, это было протестом против сюртуков и фраков, обязательных при появлении перед публикой для писателей; во-вторых, это раздражало «приличное общество» господ эстетов; в-третьих, это стоило два рубля; в-четвёртых, Маяковский был беден и не имел даже пиджака; в-пятых, жёлтый цвет – цвет солнца. А сшила жёлтую кофту сыну мать Маяковского, Александра Алексеевна.

Будучи в то время студенткой Казанского университета, была на том выступлении преподаватель русской литературы средней школы № 3 города Зеленодольска Зоя Игнатович: «Перед глазами снова встаёт большой зал с колоннами бывшего Дворянского собрания, с громадными портретами ца-

рей, небольшая эстрада, окружённая студентами, жадно ожидавшими появления Маяковского. Вот он выходит и спокойно, с достоинством оглядывает аудиторию, состоящую из друзей-молодёжи, восторженно приветствующей молодого смелого поэта и враждебно настроенной старой аристократической верхушки. Суровый взгляд поэта на холёных, сытых господ сменяется ласковой, дружеской улыбкой, когда поэт обращается к нам, казанским студентам, ожидающим выступления поэта как нового протеста против отживающего старого мира. Шумной овацией встречает молодёжь заявление Маяковского о том, что такое настоящая красота. “Красота – это чёрная девушка, здоровая, загорелая”, – говорит поэт, обращаясь к молодёжи и отворачиваясь от представителей аристократического мира. Привыкшая к исключительному вниманию и почёту буржуазно-дворянская публика воспринимает такое поведение Маяковского как пощёчину и шумно удаляется из зала».

Вечер окончился, и медленно расходилась взволнованная публика. Окружённые поклонниками, выходили футуристы, им устроили овацию... Маяковский вышел в цилиндре с тростью и вместе с Владимиром Вегером и его женой уехал на извозчике. Владимир Ильич Вегер – советский государственный и партийный деятель, был хорошо знаком с Маяковским, в 1908 году он принимал его в члены РСДРП. Во время приезда поэта в Казань Владимир Ильич находился здесь в ссылке. В сохранившейся стенограмме 1938 года в его воспоминании о Маяковском есть несколько слов о встрече с ним в Казани: «Володя пришёл ко мне на улице Жуковского. Это была очень приятная, радостная встреча. Здесь же были моя жена и тёща. Разговор начался прямо о жёлтой кофте. Эта жёлтая кофта на Веру Александровну произвела очень неприятное впечатление, и она к нему пристала: “Ты умный парень, мы же тебя знаем, брось ты эту ерунду”. Он огрызнулся на это. Мать моей жены – сестра Найдёнова, автора «Детей Ва-

Василий Каменский. Казань, 1914

нюшина». Это семья главным образом театральная. И Владимир использовал этот момент, парируя таким образом: «Вы же любите театр! – А они действительно любили театр, сами играли и имели к тому данные. – Ну, что такое! А разве нельзя ходить в том костюме, в котором играешь?» Он поставил её в тупик таким образом. Это была первая встреча на квартире. Вторая встреча была вечером в Большом собрании, где он выступал. С ним были Бурлюк и Каменский. Я был на этом вечере, и у меня в памяти осталось такое впечатление, что особенно большой скандал произошёл в тот момент, когда он читал свою вещь «Нате!»:

**Через час отсюда в чистый переулочек
вытечет по человеку
ваш обрюзгший жир...**

И когда он дошёл до этого «жира», то началось большое смятение в первых рядах, и начал разыгрываться скандал. Публика была смешанная. В первых рядах была публика буржуазного типа, а дальше сидела студенческая молодёжь и т. д. Молодёжь, конечно, – ага, так им и надо! В первых рядах несколько чело-

век поднялось и ушло: дикость, недопустимая вылазка и т. п.

Кроме встречи у меня была устроена вечеринка с передовой тамошной интеллигенцией в центре города, в ресторане «Китай» на улице Воскресенской (сегодня улица Кремлёвская, 11. – В. Я.) Были Маяковский, Бурлюк, Каменский. И публика главным образом вела разговор на тему о том, что такое это за направление, о Маринетти. Это была главным образом публика из Казанского университета, журналисты, доценты. Всего человек двенадцать. Сидели в отдельной комнате. Публика была мною собрана с тем, чтобы послушать (как договорились с Владимиром), какое течение он защищает.

Но меня больше не это интересовало. Меня интересовали его политические взгляды. И мы говорили о его отношении к либеральной буржуазии, о рабоче-крестьянском блоке. И я помню абсолютно точно его отношение к этим вопросам. Владимир стоял на такой позиции, что взгляды его абсолютно не изменились, что он в политическом отношении совершенно тот же, каким был и раньше, что его отношение к буржуазии, к либеральной буржуазии, к её партиям, ко всем основным вопросам рабочего движения ни в чём, ни в малейшей степени не изменилось.

Я от него узнал о Маринетти, о происхождении футуризма. Меня беспокоило то, что эти люди в области политики стоят на чрезвычайно реакционных позициях. Он отвечал, что вопросы искусства – это совсем другая вещь. И из этих его позиций в искусстве не было никаких выводов в область политики. Он говорил, что сейчас не работает в партийной организации, что всецело ушёл в поэзию, это требует от него громадной работы, и у него очень мало времени. Он говорил: «Ты всё напираешь на Пушкина, на большую культуру, а я в своё время этого как следует и не проходил, и мне надо много работать». Я помню такую фразу, такой образ: «Девушка, как облако». Я этого повторять не буду, моя задача заключается в другом, я иду по самостоятельному пути, мне

Футуристы в 1914 году останавливались в гостинице «Казанское подворье»

нужно проделать колоссальную работу для того, чтобы добиться результатов в этом направлении.

Он, например, говорил мне: «Я знаю, как пишет Пушкин, но у меня свой путь, я не хочу быть просто подражателем Пушкина, я хочу писать по-другому, мои потребности иначе об этом говорят. Кроме того, ты знаешь, я ведь и Пушкина-то толком не знаю». Вот важнейшие моменты в этих встречах. Когда я с ним разговаривал, я убедился, что его позиции, его взгляды ни в чём не изменились, хотя в организации он и не работал, а работал исключительно в области поэзии, причем хотел проложить новые пути. А я относился к этому тогда довольно иронически, что бурлит в нём кровь, послушайте его: он будет наряду с Пушкиным фигурировать! Но в искренности его, в том, что это его подлинное внутреннее настроение, а не простая шумиха, – в этом я был уверен».

Футуристы жили в большом номере гостиницы «Казанское подворье» на Проломной улице (ныне улица Баумана, 9/15), и Павлу Хожателеву удалось сфотографировать их в этом номере. Павел Петрович вспоминал: «Тогда, в студенческие годы, я увлекался фотографией и рискнул попросить поэтов позировать. Они жили вместе в одном номере большой гостиницы. У них не смолкали смех и остроты. Видимо, этим

весёлым настроением и объясняется их согласие сфотографироваться. У меня был «Эрнеман» с растяжной, как гармошка, камерой. Пока её насаживал на штатив, Бурлюк и Каменский бросились к зеркалу и стали что-то рисовать на своих физиономиях. Фоном я выбрал широкую ширму. Они подошли к ней по очереди. Маяковский снялся в бархатном, малинового цвета жилете и с папиросой во рту. Других «украшений» ему не требовалось: он знал свою фотогеничность. Правда, не обошлось без нюанса. Выдержка была продолжительная, Маяковский перекусил папиросу, и она зафиксировалась на снимке в двух положениях. На лбу Каменского красовалась фигурка скачущей лошадки, а на щеке Бурлюка – контур собачки с поднятым хвостом. В таком виде оба представили перед моим объективом... Провожая отъезжающих, я подарил каждому по портрету, что, кажется, вызвало общее удовольствие».

В жандармском донесении, составленном на следующий день, значилось: «Вышел он на эстраду и заявил: «Я – умный». В публике раздался гомерический хохот, но он нисколько этим не смутился и стал читать лекцию, доказывая, что красота не есть вечное определённое понятие и как это понятие постепенно изменяется в зависимости от культуры народов. В пример привёл грубые египетские пирамиды и мягкие формы живописи и вааяния эллинов. Далее перешёл к «старичкам», как они понимают красоту при виде чистой, невинной девушки. Затем сделал быстрый переход к литературе и критикам, у которых пространство «от носа до ушей затянуло паутиной», и потому они не могут видеть настоящего облика футуристов. Говоря о литературе, он всех поэтов и писателей называл мальчиками, не могущими в своих произведениях удовлетворить запросы современного человека, и что в своё время, когда русское общество только вступало на путь культуры, быть может, они и были хороши. На раздавшиеся в это время из публики по его адресу свистки он заметил, что видит у людей, открывших для свиста

свой рот, непрожёванные “армяки”, и что те, кто хочет ему посвистеть, могут с успехом сделать это и после его доклада. И в дальнейшей своей речи он порицал всё прошлое и, наоборот, когда начинал говорить о своих товарищах, то видел в каждом из них Колумба, открывшего новую Америку. Закончил он лекцию чтением поэтических произведений футуристов (своих и товарищей), в которых едва ли кто-нибудь что-либо понял. Лекция его несколько раз прерывалась свистом и хлопанием в ладоши.

На следующий день после выступления в Казани, 21 февраля в Москве собрался совет Училища живописи, где было вынесено постановление: «Учеников Бурлюка и Маяковского считать выбывшими из училища». Их исключили за нарушение правил, по которым учащиеся не вправе выступать на публичных диспутах.

С этого скандального выступления прошло 13 лет, и в газете «Красная Татария» от 20 января 1927 года появилась заметка «Маяковский в Казани»: «Известный поэт Владимир Маяковский должен выступать сегодня в помещении Оперного театра (кино “КОЛОСС”) с докладом «Лицо левой литературы». Тов. Маяковский даст характеристику творчества Асеева, Кирсанова, Пастернака, Третьякова, Сильвинского, Каменского и других поэтов “левого фронта”. Завтра Маяковский там же прочтёт доклад-путешествие “Идём путешествовать”. В этом докладе поэт поделится впечатлениями о своих путешествиях по Германии, Франции, Соединённым Штатам, Испании, Гаване и Атлантическому океану. Особый интерес приобретает сейчас выступление В. Маяковского в теоретической части, т. к. после прекращения выхода журнала “Леф” “лицо левой литературы” для читателя стало расплывчатым. В исполнительской части В. Маяковским будут прочитаны наиболее сильные и характерные для него произведения последнего времени, которые много выигрывают в его собственном чтении».

В эту и следующую поездку в Казань поэта сопровождал Павел Лавут – со-

Дворянское собрание, где в 1914 году выступал В. Маяковский

ветский актёр и концертный администратор Владимира Маяковского в поездке по стране с 1926 по 1930 год. Его Маяковский упоминает в поэме «Хорошо!» («Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут...»). Павел Ильич в своей книге «Маяковский едет по Союзу» привёл такой факт: «Отклонив все намеченные мной маршруты, Владимир Владимирович предложил волжские города. Это было в январе 1927 года. Я советовал дождаться навигации, чтоб соединить полезное с приятным. “Сейчас морозные дни. Придётся передвигаться и в бесплაცкартных вагонах. Утомительные ночные пересадки”, – говорил мне Маяковскому. Но он продолжал настаивать, и меня буквально ошарашил: “Во-первых, не люблю речных черепах, а во-вторых – это не прогулка, а работа с засученными рукавами!”

Мы тронулись вниз по Волге... по железной дороге. В Казани, к счастью, мороз значительно ослаб. Настроение заметно поднялось: билеты на оба вечера расхватили в один день. Оперный театр осаждён, толпа катастрофически разрастается. Появляется конная милиция – такое я наблюдал впервые. Студенты требовали входные билеты, и дирекции пришлось согласиться. Толпа хлынула в театр. Стекло разбито. Студенты пробрались даже в оркестр. Я объяснил Маяков-

218

Афиша Маяковского, 1914

ПЕШКОМ В ИСТОРИЮ

скому, как пройти в театр. Хорошо ориентируясь даже в незнакомых городах, он обычно находил дорогу без расспросов. Пора начинать, а Маяковского нет. Странно и на него не похоже! Наконец, догадавшись, что он не может попасть на свой собственный вечер, я зываю к милиции. Его извлекают из толпы уже изрядно помятого. Но он приятно возбуждён: ему, пожалуй, нравится всё это, он энергично шагает по сцене, раздвигает театральную мебель, чтоб просторнее было. Нашлись “энтузиасты”, которые проникли и под сцену. Их удаляют. Маяковский уговаривает оставить их, но безрезультатно. И “зайцы”, топоча и крича, взмыли из подземелья в небеса. Казалось, рушатся лестницы: втиснулись меж сидящих, заполнили всё пространство, нависли с третьего яруса, того и гляди, грохнутся эти человечьи гроздьи вниз, на партер. Маяковский поднял голову, вперив взор в верхний ярус, открыл от удивления рот и застыл в такой позе на несколько секунд. Зал пуще прежнего расшумелся. Маяковскому долго не давала начать буря аплодисментов, которую не могли остановить ни его поднятая рука, ни призывы...»

Статья в «Красной Татарии» от 22 января 1927 года дополняет событие: «Такой большой и мощный, как его образы. Над переносицей – вертикальная морщина. Тяжёлый, слегка выдающийся подбородок. Фигура волжского грузчика. Голос – трибуна. Хохлацкий юмор

почти без улыбки. Одет в обыкновенный совработничий пиджак, лежащий на нём мешком. На эстраде чувствует себя, как дома. К аудитории относится дружески-покровительственно».

Начиная доклад, В. В. Маяковский напомнил слушателям, что он уже выступал в Казани 13 лет назад, вместе со своими соратниками по искусству В. Каменским и Д. Бурлюком. «Это было в те далёкие времена, когда “помощники присяжных поверенных” говорили про нас, что этих-де молодых людей в жёлтых кофтах хватит не более, как на две недели. Но пророчества эти, как видите, опровергнуты уже тем, что я по прошествии 13 лет опять стою перед казанской аудиторией. И не только я, но и все мои товарищи по футуризму уцелели и с честью идут теперь в ногу с эпохой. Левый фронт является в настоящее время наиболее ярким крылом в искусстве, и представители его завоёвывают всё большее и большее место в поэзии, драматургии, живописи, архитектуре и кино. С другими литературными течениями нам не по пути по многим причинам. От ВАППА нас отталкивает его убогая неквалифицированная литературная продукция. Небрежное отношение большинства поэтов к литературной работе вообще очень характерно для нашего времени. Поэты, едва что-нибудь напечатав, быстро запоздниваются (как, бывало, комиссары закомиссаривались) и воображают себя не только Пушкиными, но даже... Маяковскими. Масса всякой дряни проникает в наши газеты. Так, в одной, кажется, (симферопольской) газете были такие стихи:

**Семён Михайлович Будённый
Скакал на сером кобыле.**

Конечно, Семёна Михайловича все мы уважаем, и даже кобылу его уважаем, но зачем же производить её в мужской род? Небрежны часто даже известные наши поэты (Жаров, Уткин). Со старыми же поэтами нам не по пути, несмотря на всё их мастерство и высокую культуру. Они чужды нам идеологически. Леф идёт особняком. Деятель-

ность его протекает главным образом по линии поднятия литературной квалификации. Трудности, стоящие на этом пути, громадны. Надо вести упорную борьбу с легкомысленным отношением к литературной работе. Высокая литература создаётся только колоссальным трудом». Таково отношение Маяковского к современным течениям в литературе и поэзии.

Второе и третье отделения были посвящены чтению стихов и ответам на записки. В ответах Маяковский, не скупясь, сыпал блёстки своего юмора, которые, вероятно, когда-нибудь будут подобраны, как подобраны и изданы шутки Тютчева, прозвучавшие более полувека тому назад».

Маяковский после столь триумфаторского приёма воскликнул: «Обязательно ещё раз сюда приеду! Столпотворенскоеавилонье! Только Шаляпин может сравниться со мной!»

Сохранились записки зрителей и машинописная копия 122 записок, которые были переданы Владимиру Маяковскому во время его выступления. Из этих записок видно, что многим зрителям стихи поэта были непонятны и трудны для восприятия. Вот некоторые из них: «Почему ваши произведения так запутаны. Отчего их так трудно понимать?», «Чтение вашей литературы можно сравнить с ездой по кочкам на болоте», «Как Вы относитесь к тому, что Ваши стихи не понятны рабочим массам?», «Почему Вы, высококвалифицированный поэт пишете столь «неудобочитаемые» и «неудобопонимаемые стихи», что они требуют расшифровки, пересказа «своими словами»?», «У Вас есть тоже довольно-таки похабные рифмы что-то вроде «надо, чтоб винт да чтоб два крыла б», «Вы за последнее время чуточку исписываетесь, чем это объяснить?», «Скажите о технике ваших стихов. Зачем употребляете разорванные строки, если нет внутренних рифм, а в последних стихах у вас меньше этих самых внутренних рифм?», «1) Интересно, для какой части населения вы даёте свои произведения? 2) И нет ли особого, может быть, вами

составленного словаря для того, чтобы понять ваши произведения?»

Были записки оскорбительные: «Гречаная каша сама себя хвалит! Не слишком ли вы о себе высокого мнения. Быть может, и не по заслугам?», «1) Зачем вы так много говорите о себе? 2) Есенин играл на струнах человеческой души, а вы занимаетесь словоблудием. Ваши стихи также трудно читаются, как учебник органической химии», «Маяковский, а согласен ты с тем, чем меньше поэт говорит о себе, тем он ближе, ценнее массам? Запомни это. Скажи о Есенине с Маяковской точки зрения», «Не находите ли вы, что у вас замечается излишек индивидуализма. Как понять ваше постоянное напоминание «Я Маяковский...Я... У меня...и т. д.?», «Маяковскому. Чем вызвано ваше гастролерование, тем ли, что преследует Алексей Толстой, преподнося нам тухлятину или желанием Лефизировать публику?», «Вы называете подголосками поэтов последних годов самодержавия, а вы разве не есть подголосок советской власти. Перестаньте лгать и согласитесь, что подголоски всегда были, есть и будут, и вы к ним от носитесь на 100%».

Заслуженный работник культуры ТАССР Игорь Германович Ингвар вспомнил: «Мы, как «телохранители и оруженосцы» Владимира Владимировича, сопровождали его на всех выступлениях. Самой памятной для меня была встреча с ним у Бориса Симолина, актёра, режиссёра, педагога, который был хорошо знаком с Маяковским, неоднократно встречался с ним в Москве. Борис Николаевич в своих воспоминаниях писал об этой встрече: «Я не помню точно, но, кажется, мы ещё на вокзале сговорились встретиться с Маяковским отдельно от всей толпы окруживших его интересантов. Поэтому часа через 2–3 после встречи я заехал за ним в отель, где у него уже толкалось много народу, и увёз его к нам, на Ново-Комиссариатскую». В бывшем особняке А. Г. Осокина (ныне ул. Муштары, 16. – В. Я.), отведённом в 20-е гг. под квартиры работников искусств, и где теперь размещается

Казанское художественное училище, Симолин снимал комнату, где и состоялась встреча казанских лефовцев с Владимиром Маяковским, и где они читали ему свои стихи. Маяковский казался сосредоточенным. Мало говорил. Больше слушал. Спрашивал, чем интересуемся, во что верим. В это время шла перестройка ЛЕФа, и Маяковскому было важно выяснить, что думают казанские лефовцы. Вероятно, не мы одни, проведив Маяковского, не раз в узком кругу, после спектакля или работы, вспоминали снова и снова часы и минуты, проведённые с ним. Вели бесконечные разговоры о себе, об искусстве.

Вспоминались забавные случаи. Увидев на улице Казани сани-розвальни, называемые в народе “барабус”, и узнав, что это пригородные крестьяне-извозчики, которые за двугривенный доставляют желающих прокатиться в любой конец города, Маяковский воскликнул: “Обязательно прокачусь”, – и с улыбкой добавил: “Вот как следовало вам назвать свой театр! Не КЭМСТ (конструктивно экспериментальная мастерская современного театра), а БАРАБУС! Красивое слово, и здорово рифмуется”.

Встреча с Казанью оказалась не бесплодной. В конце 1927 года вышел очерк Маяковского под названием «Рождение столицы». Поэт в нём пишет: «Тот, кто никогда не был в так называемой “провинции”, плохо сейчас себе эту провинцию представляет. Тот, кто был в этой провинции до революции – не представляет её совсем. Прежде всего, самоназвание «провинция» дико устарело. Архаический язык склонен называть провинцией даже такие города, как Минск, Казань, Симферополь, а эти города, волей революции ставшими столицами, растут, строятся, а главное, дышат самостоятельной культурой своей освобождённой страны».

Павел Лавут вспомнил некоторые детали той поездки: «21 января, третья годовщина со дня смерти Ленина. Днём второе выступление в казанском университете. Студенты ещё в театре

пытались договориться с Маяковским о выступлении в университете. Они пришли на следующий день утром. Выступление было назначено на два часа дня. И хотя объявить об этом они смогли, вероятно, только за час или за два до начала, аудитория была так же переполнена, как театр накануне. В эти траурные дни Маяковский нарушил свой постоянный принцип: исключил из программы, в первую очередь, резко-сатирические стихи, меньше острил... Всё выглядело строже и спокойнее: отрывки из первой и второй и полностью вся третья часть поэмы «Владимир Ильич Ленин» составили стержень программы...»

Более подробно об этом выступлении вспоминал доцент Казанского государственного университета Александр Соломонович Ключевич, в то время студент университета: «Это было, кажется, в 1927 г. Случайно узнав, что Маяковский будет выступать в Актовом зале, я поспешил туда. Зал был уже переполнен, мне пришлось стоять, записей я не делал и запомнил немного. Никакого «ведущего» не было. Маяковский вошёл и остановился почти в центре зала (стульев, помнится, не было, или их убрали в сторону). Заметив, что в зале душно, он сказал, что читать стихи – это работа, и приходится снять пиджак, что и сделал. Читал он что-то своё – напоминаю только “Товарищ Нетте”, а ему передавали много записок, на которые он отвечал незамедлительно. На вопрос, правда ли, что он невысоко ценит поэзию А. С. Пушкина, отвечал, что актуален лишь вопрос о мере современности многих произведений Пушкина, а среди них имеются и прекрасные стихи, и продекламировал “Пророка” (а читал он прекрасно). На близкий по характеру вопрос о Блоке ответил аналогично и прочитал “Незнакомку”, а на вопрос о Пастернаке – “Марбург”. Спросили: “Правда ли, что профессор такой-то (я фамилию не помню) называет Вас тихим помешанным?”, – сразу ответил: “Я такого профессора не знаю. Но почему же тихим – тогда уж лучше буйным”. Записки собирал. По ним угадывалось,

что в зале немало людей, недооценивающих или плохо знающих поэзию Маяковского, или даже её отвергающих. Да и только ли студенты здесь были? А в заключение он предложил нам посетить его вечернее выступление в городском театре. Однако мы знали, что уже очень мало шансов достать билет, да и не всем это было по карману. В целом, впечатление от встречи с Маяковским было, конечно, сильное».

На этом выступлении Владимиру Маяковскому от присутствующих в зале зрителей было передано 80 записок. Сохранилась их машинописная копия. Вот несколько записок, они дополняют воспоминания Александра Ключевича. «Динамика вашей поэзии делает ускользающей даже и в вашем чтении рифму. Смотрите ли Вы на это как на недостаток?», «По-моему, Ваше творчество нельзя назвать поэзией в полном смысле этого слова, как нельзя считать чистой поэзией творчество Демьяна Бедного. Как тот, так и Вы являетесь хорошими производителями агиток. Вот и всё», «Как ни странно, товарищ Маяковский, но приходится согласиться, что Вы против Сергея Есенина “пешка”», «Вы хотите, чтобы ваши стихотворения были понятны для пролетариата, но Пушкин более понятен для рабочих, чем Вы».

Поэт к вождю революции относился с пиететом, Ленин о достоинствах новых направлений в литературе начала двадцатого века отзывался весьма нелестно. На третьем съезде комсомола в 1920 году говорил об этом так: «Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих “измов” высшим проявлением художественного гения». Максим Горький приводил слова Ленина, сказанные конкретно в адрес Маяковского: «Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и всё у него не то, по-моему, не то и малопонятно. Рассыпано всё, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим!»

И в марте 1922 года, когда было опубликовано стихотворение «Прозаседавшиеся», разглядел: «Вчера я слу-

чайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своём стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они всё заседают и перезаседают. Не знаю, как насчёт поэзии, а насчёт политики ручаюсь, что это совершенно правильно».

Третье, вечернее выступление Маяковского в Казани – в театре. Подробно об этом написано вновь в газете «Красная Татария» в номере от 26 января 1927 года: «Я путешествую для того, чтобы взглянуть глазами советского человека на культурные достижения Запада. Я стремлюсь услышать новые ритмы, увидеть новые факты и потом передать их моему читателю и слушателю. Путешествую я, следовательно, не только для собственного удовольствия, но и в интересах всей нашей страны. Кроме того, общение с живыми людьми всех стран заменяет мне книги, которых я почти не читаю, т. к. считаю современную беллетристику весьма неинтересной. Переходя к первому этапу моих путешествий, Москва-Кёнигсберг, сделанному по воздуху, я должен сказать несколько слов об аэроплане. Он в будущем, изменит всё существо человека и все наши давно сложившиеся понятия о времени и пространстве. Уже теперь быстрота полёта достигла половинной скорости вращения земной орбиты. Лётчики рассказывают, что в то время, когда на обдумывание какого-нибудь дела на земле уходит целый час, в воздухе это же дело обдумывается в 10 минут. В воздухе изменяются даже понятия о человеческом багаже. Тогда, когда на земле даже какая-нибудь бедная рабфаковка, уезжая на каникулы, везёт с собой огромный утес, увенчанный примусом, мы на аэроплане имели при себе только 5 кило багажа в лёгких никелевых чемоданах».

Далее Маяковский переходит к чтению стихов, посвящённых перелёту, французским и испанским впечатлениям. Переходя к описанию Атлантического океана, Маяковский заявил, что это была первая крупная вещь, встреченная им во время путешествия. «Мы ехали на таком огромном пароходе, на котором можно было перевезти всех подписчиков “Красной Татарии” (не потому, что подписчиков мало, а потому, что пароход велик). На пароходе имеется ресторан-бар. Есть газета, принимающая по радио самые интересные новости, вроде того, например, кто присутствовал на обеде у принца Уэльского. Самый читаемый отдел газеты, хроника, посвящён исключительно пароходному меню. Пароход разделён на три класса. В 1-м классе есть путешественники, по которым плачут уголовные розыски всех стран. Здесь ведётся крупная карточная игра на тысячи долларов».

В заключении тов. Маяковский подробно остановился на описании Северных Американских Соединённых Штатов, главным образом Нью-Йорка, в котором, несмотря на его огромность, запутаться труднее, чем в Казани, т. к. город идеально распланирован. Последними тов. Маяковский прочёл стихи «Барышня и Вульворт» и «Домой». К слову сказать, редакция газеты «Красная Татария» (располагалась в здании на углу улиц Дзержинского и Театральной, 29/1), которая настолько подробно освещала приезд и выступления поэта, была удостоена персонального визита Маяковского. О случайной встрече с Владимиром Маяковским в редакции газеты «Красная Татария» вспоминал Феодосий Новиков, в то время студент Казанского университета: «В 1927 году, в январе, я убежал с лекции по политэкономии, чтобы договориться с секретарём газеты “Красная Татария” об очередной литературной пятнице. Разговор зашёл о предстоящем приезде Маяковского в Казань и о манере чтения его стихов. Воображая себя «декламатором» и подражая Маяковскому в исполнении его стихов, я стал читать стихотворение “О дряни”. Голос мой

гремел на всю редакцию. Я упивался собственным чтением, потому что деликатные слушатели изображали на своих лицах внимание. Но вдруг я запнулся, так как у моих малочисленных слушателей расширились зрачки глаз, полуоткрылись рты, как будто между мной и ними возникла какая-то преграда. С недовольством обернувшись, я увидел стоящего в двери Владимира Маяковского, который правой рукой оперся о притолоку двери, а в левой руке держал свою трость. Оттолкнувшись рукой и сделав три шага, он очутился около меня, положил мне на правое плечо свою руку, крепко стиснул плечо и сказал: “Недурно, молодой человек, только не надо становиться на цыпочки”. На этом моё общение с Маяковским кончилось, так как он приступил к собеседованию с секретарём редакции, а я поспешил в университет, восторженный встречей с великим поэтом. Только поумнев с годами, я понял суть его афоризма. Пришлось сопоставить его и себя. У меня был 42 размер ботинок, у него что-то около 45, если судить по размерам обуви. У него был бас-профундо, у меня только баритон. Он был великий поэт, а я только студент».

В редакции газеты Владимир Маяковский разговаривал с журналистами, высказывался о советской литературе, об ответственности писателя, поэта, художника перед людьми. Советовал делать газету ярче, доходчивее, скрупулёзно работать над текстами, заголовками и аншлагами.

В свой третий, последний приезд в Казань, 23 января 1928 года, Маяковский имел при себе мандат, подписанный наркомом просвещения Анатолием Луначарским. В документе говорилось: «Товарищи! Поэт Владимир Владимирович Маяковский направляется в города СССР с чтением своей октябрьской поэмы “Хорошо!” Считая эту поэму имеющей большое художественное и общественное значение, прошу оказать тов. Маяковскому полное содействие в устройстве его публичных выступлений». Владимир Маяковский вновь выступил в Оперном театре с докладом о современных веяни-

ях в литературе. После чего прочёл свою новую поэму «Хорошо!»

Павел Лавут вспоминает, что накануне, перед отъездом, поэт едва не опоздал на поезд, в вагон вошёл буквально за секунды до отправления со словами: «Вот видите, я никогда не опаздываю. Забудем прошлое, оставим общий лад, не волнуйте себя и меня. Шофёр действительно опоздал, а я – нет. Часы у меня всегда нарочно поставлены на три минуты вперёд. Это меня и спасло. Стоит ли волноваться, когда мы едем в замечательную Казань! Если даже у меня не будет ни копейки, я обязательно поеду в Казань»».

А в Казани, как и в прошлом году, театр снова переполнен народом. «Казань не подвела, все пришли», – радуется Владимир Владимирович. «А как здорово слушали поэму! (Маяковский читал отрывки из поэмы “Хорошо!”). Вещь, судя по всему, сделана неплохо. Я пронёс её через десятки городов и десятки тысяч людей, и везде слушали с интересом. Ругня отдельных рецензентов – не в счёт. Важно мнение масс».

В номер старинного «Казанского подворья», где остановился Маяковский, началось паломничество... Журналистов и студентов сменили местные и приезжие поэты... Появляются всё новые и новые люди. Среди пришедших в этот день к Маяковскому были молодой поэт Пётр Хузангай и поэт Николай Шелеби. В тот же день они по записке Маяковского прошли на его выступление.

Этот большой литературный день лёг в основу стихотворения «Казань», которое впервые было напечатано в «Комсомольской правде» 7 июля 1928 года. «Входит татарин: “Я на татарском вам прочитаю “Левый марш”». Утром 24 января 1928 года Маяковский выступил в Казанском университете, так же как и в 1927 году. На том выступлении присутствовал студент Пётр Акинфьев, вот его воспоминание: «В 1928 году, зимой Владимир Маяковский приехал в Казань. Висели афиши о его выступлении в Большом театре. Помню в среде студентов разговоры и возмущение по поводу дорогих билетов. “А ещё проле-

тарский поэт, дерёт за билеты сколько!” Но на следующий день Владимир Владимирович выступал в Университете, билеты были дешевле раз в десять, точно не помню, сколько-то копеек, и студенты были удовлетворены. Ждали Маяковского в актовом зале Университета. Народу полно, ни стула свободно, сидели не все, несмотря на то, что стулья пошли из аудиторий. Студенты были не только университетские, но и из других вузов Казани. В коридоре, примыкающим к актовому залу, контролёр-женщина ни единого без билета не пропустила, несмотря ни на какие уговоры и уловки. Группа студентов упрашивала её пропустить их, ссылаясь на давность получения стипендии и отсутствие «копья» в кармане – ничего не помогает. Расступились перед мужчиной, которому самые высокие из них были по плечо. Узнали Маяковского, он прошёл, повернулся, спросил, почему шумели, и расспросил подробно о причине отсутствия билетов, и всех пропустил. Ринулись в зал ожидавшие в коридоре, шумно занимали места. Маяковский прошёл между рядами стульев, поднялся на сцену, ждёт, когда затихнет аудитория. Потом стал спрашивать, есть ли его книги в Университете, читают ли их, что нравится? Когда услышал: “Ничего не нравится”, засмеялся: “Читайте больше, будет нравиться. Вот сам приехал – будет понятней не умеющим понимать”. Прочитал “По городам Союза”, где он вспоминал свой прошлогодний вечер у студентов. Стихотворение у молодых людей вызвало бурную овацию».

После своего выступления Владимир Маяковский отправился на вокзал. Следующим пунктом на его пути был Свердловск (сегодня Екатеринбург).

Газета «Красная Татария» в номере от 29 января 1928 года: «“Хорошо” – резюме поэта об Октябре... Прав Маяковский, утверждая, что мелкие стихотворения не характерны для него. Маяковский – поэт больших полотен. Опыт выступления поэта с поэмой на целый вечер (не в пример его прошлогоднему выступлению) лишний раз подтверждает это...»

У нас принято говорить, что Владимир Маяковский непонятен массам, однако, что характерно, на выступлениях поэта если и было записки о непонятности его стихов, то подавались только зрителями из первых рядов партера. А вот выдержки из отзывов рабочих: «Маяковский понятен каждому рабочему и мужику, потому что он вселяет бодрость, силу и веру в победу». «Пожелаем поэту почаще выступать на рабочих и крестьянских собраниях». К этому пожеланию присоединяемся и мы».

Как раз в этот приезд Алексей Привалов и фотографировал Маяковского. Воспоминания его эмоциональны и резко очерчены: «И тут мне подвернулся случай увидеть этого Маяковского в лицо, живьём. Что о нём сказать? Безусловно, яркий, талантливый, дерзкий. Агитпроп и фанатик большевизма. Читал свою поэму “Хорошо!”, чеканя каждый слог. Всё в нём дышало верой в победу коммунизма, и этой верой он заражал всех собравшихся в зале. Я был к нему довольно близко. Удивительно: я не физиономист, но лицо Маяковского – это преступное лицо. Сразу вспомнил университетские семинары по уголовному праву, где разбирались лица преступников. Я поймал себя на мысли, что предо мной наяву стоит один из творцов религиозно-безбожного сознания. Открыто декламировал отрицание Бога. На все лады трубил, что никогда не умрёт память о революции, а он её певец, и, значит, обречён на бессмертие. Что с детства он ненавидит всё древнее, церковное, славянское и т. п. Воспевал ЧК и кичился своим космополитизмом. И вот в те минуты меня посетила мысль, что этот “глашатай, главарь, горлан” революции уже обречён. Паразитирующие на какой-то идее (а он именно паразитировал), всегда только помехою становятся людям, этой идее искренне приверженным, и они их уничтожают. Маяковскому уготовано стать жертвой изначально. В этом и состоит страшная правда такой революции.

Ну, а кто успеет первым поставить “точку пули” – это дело случая. Грубой революции был органически чужд романтизм, придуманный и вдохновляющий Маяковского. Он был обречён внутренне. Напомню, как Ф. М. Достоевский представлял этапы деградации человека. Вначале ересь безбожия, безнравственность, затем троглодитство.

Маяковский – это классик псевдокультуры. Духовно изломанный и нравственно деформированный, по сути, социально опасное существо, готовое ради придуманной идеи идти на любое преступление. В душе своей он был пошляк и подлец. Об этом говорят его сальные шуточки на эстраде, его гнусные агитки, рассчитанные на дебилов. Бог дал ему талант, а он швырнул его в кривое зеркало Октябрьской революции. Вот вам подтверждение: вспомните пушкинское чистое, идущее из глубины богатой души поэта. “Как дай вам Бог любимым быть другим”, и вот как у Маяковского: “Дайте любую красивую, юную, – души не растрачу, изнасилую, и в сердце насмешку плюну ей!” Это из стихотворения “Ко всему” (1916 год). Можете проверить. Это напечатано в его полном собрании сочинений. Маяковский сознательно вовлёл себя в дьяволиаду, бесовство русской революции, а она – безжалостный монстр, вытерла об него ноги и перешагнула...»

Жестковаты и определения, и выводы. Но, при всей противоречивости взглядов, литературных методов, Маяковский, конечно, исполинская фигура в российской словесности. Мысли напиказ! Слова наотмашь! В большинстве его произведений это так. Даже в упомянутом уже стихотворении «Казань»:

... Я в языках
не очень натаскан –
что норвежским,
что шведским мажь.
Входит татарин:
«Я на татарском
вам прочитаю
“Левый марш”»...

